

наконец нашла, и подходила к этим томам с некоторым чувством собственника. Проверивший меня начальник работой моей был доволен, я же, услышав его шаги, быстро возвращалась к орудиям производства — тряпке и воде, потому что слегка побаивалась. Мне сейчас кажется, что он был бы на самом деле очень доволен, если бы «застукал» меня просматривающей журналы. Он их знал великолепно.

Работала в нашем отделе реставратором маленькая сухонькая женщина, которая всегда была в черном стареньком халатике и в косынке, по-фабричному завязанной на затылке узлом. Она часто убегала куда-то покурить свой неизменный «Казбек». Журналы надо было спасать! Они приходили в печальное растрепанное состояние не только от пыли, не протертой кем-то до меня, но, главное, от тяжести прожитых лет на разных полках и в разных руках. Этой женщиной было столько спасено ее особым мастерством книжного реставратора! Она незаметно в своем уголке нехитрыми приспособлениями изо дня в день по-своему спасала культурное наследие России.

Все тогда очень любили песни советских композиторов и их творчество, что давало мне привилегированную возможность по мере сил участвовать в дозволенных действиях по реставрации журналов: промазывание клеем аккуратно нарезанных холщевых или марлевых полосок, подклеивание порванных страниц специальной тонкой пергаментной бумагой... Как-то я стояла рядом с ней при реставрации альманаха, совершенно утратившего былую красоту, о которой можно было вполне догадаться по тонким и томным лицам красавиц далеких времен из дальних стран. Это был альманах модной французской парижской одежды. Меня, конечно, очень заинтересовали элегантно оформленные альманахи. «Издание альманахов, как правило, всегда было очень изысканным!» — скромно прокомментировала реставратор мой восторг. И, чтобы не уходить далее в легкомысленные темы, она мне

поведала про другой французский альманах, в котором была впервые напечатана «Марсельеза», а посему его ввоз был запрещен в царскую Россию при Павле I. Такая информация была для меня в тот 1959 год, с ее точки зрения, более полезной. Ничто не проходит бесследно! Недавно, даже не хочется считать, сколько лет спустя, я натолкнулась на упоминание о французском поэтическом альманахе «L'almanach des muses» 1791 — 1798 годов — сборнике, который, несмотря на запреты, связанные с напечатанием в нем той самой революционной песни, был известен в России... Возможно, этот альманах наряду с другими европейскими изданиями послужил Н. М. Карамзину прообразом для создания в 1796 году «Аониды» — первого русского альманаха. Слово «Аониды» было тогда, наверное, понятно большему числу читателей, и, чтобы не конфузиться, я уточнила — «древнегреческое название муз искусства». И обитали они в Аонии и были дочерьми царя Аона. Идея Карамзина была поддержана всеми пишущими вокруг него — и писателями, и поэтами, и критиками, и публицистами. В них печатались, пожалуй, все, кто составляет воистину «наше все», и не только тех лет: сам Карамзин и все его современники, и Василий Львович Пушкин, и его великий племянник Александр Сергеевич Пушкин, и все большие имена русской словесности того периода. Популярность этого вида сборников была в России всегда необычайной и значительной по содержанию — от «Полярной звезды» 1823 — 1825 годов до «Метрополя» 1979 года...

Само слово альманах очень красивое и, как считают одни, происходит от арабского *альманах* (al-munāḥ) — астрономический календарь. «خانم» — какая загадочная арабская вязь сопровождает это слово! Иные считают, что восходит оно к греческому «ἀλμεινῆιακόν», и через эти буквы, кажется, прочитывается искомое слово. Сквозь пустыни, водные пространства, горы, степи, леса добралось оно и до Европы, и в 1457 году самый первый альманах был издан в Вене.